

дцать из них фигурируют по два раза, тридцать — один. Больше всего «неповторимых» добродетелей и пороков в иконе Ферапонтова монастыря (четыре и семь). За исключением маленькой иконы Вологодского музея, в которой количество демонов с названиями «уникальных» пороков также четыре, и иконы Вологодской школы второй половины XVI в. Русского музея, где их три, в других произведениях добродетели и пороки более редкие и встречаются от одного до двух раз. Уже одно это говорит о том особом месте, которое занимает рассматриваемое «Сошествие во ад» среди остальных памятников.

Мы уже отмечали, что состав добродетелей и пороков на иконе Ферапонтова монастыря в целом близок к учению о добродетелях и страстях, о борьбе с «осмь помысл» Нила Сорского и ко всей аскетической византийской патристике, из которой оно выросло. Это относится и к семи остальным иконам изучаемого извода. Что касается их надписей, то буквальных повторений из «Устава» Нила Сорского, а также из отмечавшихся выше трудов Ефрема Сирина, Иоанна Кассиана Римлянина, Нила Синайского, Иоанна Лествичника больше всего в названиях пороков и добродетелей «Сошествия во ад» из Махрищского монастыря, а именно шесть (блуд, печаль, объядение, сребролюбие, любовь, смирение), в иконе конца XVII в. Русского музея — пять (те же, но без «любви»), в «Сошествии во ад» Ферапонтова монастыря — четыре. В иконе из Коломны и большом «Сошествии во ад» Вологодского музея повторяются три названия (сребролюбие, смиренность, любовь и уныние, печаль, любовь), в малом вологодском «Сошествии во ад» и иконе второй половины XVI в. Русского музея — два (гордость, любовь и печаль, доброта).

Таким образом, в иконах конца XIV и XVI в. дают себя знать идеи византийской аскетической литературы, широко известные в России уже с XIV в., причем наиболее полное отражение они получают в иконе Махрищского монастыря. Уже одно это, даже без отмечавшихся стилистических особенностей памятника, заставило бы предположить, что он был создан под непосредственным воздействием учения Нила Сорского и «заволжских старцев».

На иконах Махрищского монастыря и Русского музея конца XVII в. обращают на себя внимание необычные надписи с упоминанием Вельзевула, в которых без всякой надобности вторично и почти буквально повторяется такой же двойной текст, что и на коломенском «Сошествии во ад». Близость извода и композиций этих икон, а также сравнительно большое количество аналогичных надписей наводят на мысль о наличии у художников одного образца. Можно предположить, что таким образом служила наиболее ранняя коломенская икона. Не лишено вероятия предположение Н. А. Деминой об изначальном, но не дошедшем до нашего времени «образе» в Троице-Сергиевой лавре. Скорее же всего у мастеров, создавших на протяжении трех веков восемь икон одного извода, были какие-то редкие и, видимо, не пользовавшиеся большой популярностью образцы. Возможно, на некоторых из них отсутствовали тексты, и иконописцы относительно свободно оперировали как составом добродетелей, так и особенно пороков.

«Сошествие во ад» конца XVII в. Русского музея создавалось, очевидно, по специальному заказу для какого-нибудь монастыря. Древний вариант извода, признаком которого является упоминание такого редкого, встречающегося лишь в иконе Махрищского монастыря порока, как «волокование», и наличие других уникальных надписей: чистота, лихоимание (последнее имеется только в маленькой вологодской иконе), позволяют думать, что оно писалось для одного из вологодских монастырей.